

18+

Александр
ИГОРЕВИЧ

Междуреченская драма

РУССКИЙ ТРИЛЛЕР

Александр Игоревич

**Междуреченская
драма. Русский триллер**

«Издательские решения»

Игоревич А.

Междуреченская драма. Русский триллер / А. Игоревич —
«Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Цена
возмездия оказалась высока, хотя повод был предельно ничтожным. Что
это? Закон бумеранга? Эффект бабочки? Или само провидение решило всё
расставить по своим местам? Захватывающий триллер с элементами мистики,
детектива и едкой иронии. В прежней версии известен как «Прокурорский
хлеб, или Тень „Старичка“» Книга содержит нецензурную брань.

© Игоревич А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I. Письмо с сюрпризом	7
Глава 1. Искусство быть незаменимой	7
Глава 2. «Бомба! Динамит! Взрывчатка!»	12
Глава 3. Терпенье, Юра...	14
Глава 4. Чертовщина да и только!	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Междуреченская драма Русский триллер

Александр Игоревич

Редактор Пётр Слобожанин

Иллюстратор Игорь Вешник

Корректор Юлия Салтыкова

Дизайнер обложки Игорь Вешник

© Александр Игоревич, 2026

© Игорь Вешник, иллюстрации, 2026

© Игорь Вешник, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-8226-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная книга является художественным произведением, персонажи которого — собирательные образы, а их фамилии — вымышленные. Все совпадения с реальными лицами случайны.

Книга содержит ненормативную лексику, изобразительные и образные упоминания об употреблении алкоголя, табака и наркотиков, а также противоправных действиях, но такие описания являются художественным замыслом и не являются призывом к совершению запрещенных действий.

Книга не пропагандирует и не призывает к употреблению алкоголя и табака. Автор осуждает употребление наркотиков, алкоголя и сигарет. Пожалуйста, обратитесь к врачу для получения помощи в борьбе с зависимостью.

Пролог

Эта необыкновенная история произошла в маленьком поволжском городке с занятным названием — Междуреченск. Красиво звучит, выразительно. Даже не побывав там, невольно рисуешь в своём воображении всякие живописные картины размеренной провинциальной жизни и красивых природных пейзажей.

Судя по названию, городок расположен вблизи слияния двух рек. Или где-то меж двух притоков одной большой реки. Хотя всякое бывает, может никаких рек уже и в помине нет — пересохли, стинули, превратились в городские сточные канавы вследствие урбанизации и некогда мощного промышленного роста.

Так или иначе, но красивое название сохранилось, заведомо вызывая симпатию и к городку, и к его жителям.

Сам я там не бывал, не знаю. А историю мне эту поведал один старый зэк в лагере строгого режима. Вот только фамилии его я не запомнил, настолько он был неприметным и скромным.

Звали его...

Ну, что ты будешь делать?

И имени вспомнить не могу! Миша вроде. Или Гриша.

Впрочем, это неважно. В данной истории он самоличного участия не принимал, а слышал её от другого зэка тоже в каком-то исправительном лагере. Мало ли их таких...

Подробностей теперь уже не выяснить. Этот Миша-Гриша пропал из лагеря так же загадочно и незаметно, как появился. Может, перевели в другую зону; может, освободился; а может...

Ладно, не будем о грустном, чтобы не омрачать начало этой истории, столь необычной, что не поделиться ею было бы с моей стороны форменным свинством.

Итак, прошу любить и жаловать: как говорится, за что купил — за то и продаю.

А дело было так...

Часть I. Письмо с сюрпризом

Глава 1. Искусство быть незаменимой

...В то необыкновенно солнечное мартовское утро делопроизводитель Междуреченской районной прокуратуры Инесса Витальевна Сытник, как обычно, справляла свои повседневные служебные обязанности — занималась сортировкой утренней почты.

Нетерпеливыми, неловкими движениями узловатых артритных пальцев вскрывала она конверты с обращениями граждан и служебной перепиской. Затем знакоилась с содержанием корреспонденции. При этом и без того некрасивое плоское лицо её, которое к тому же очень портили выпуклые, широко расставленные глаза, приобретало совсем безобразное выражение. Какое-то плачущее, страдальчески перекошенное. Притом тучная, ширококостная фигура ещё и колыхалась в такт движениям рук...

Инесса Витальевна всю свою не только трудовую, но и личную биографию связала с этим зданием и с кабинетом на первом этаже, расположенном справа от центрального входа и напротив вахты — пропускного пункта районной прокуратуры.

За годы её служебной деятельности менялось многое и в мире, и в стране, и в городке Междуреченске, и в той государственной структуре, которой отдала она всю свою жизнь. Менялись названия её должности и кабинета, но неизменна оставалась их суть. Поэтому именovala она себя по старинке секретарём, а на обитой чёрным дерматином двери кабинета красовалась ещё с советских времён табличка с надписью: «КАНЦЕЛЯРИЯ».

Было время, гордилась она тем, что поток просителей, переступив порог прокуратуры, направлялся дежурным вахты напрямик к ней — в эту самую канцелярию. А вот в противоположную сторону — в основное помещение, то есть через вахту, просачивался лишь жиденький ручеек из тех, кому было назначено. Там личный приём граждан и должностных лиц вели сам районный прокурор, его заместители и старшие помощники. Основная же масса со своими заявлениями, прошениями, жалобами и ходатайствами попадала к ней. К Инессе Витальевне Сытник.

Вот уж где потешила Инесса Витальевна чувство персональной востребованности, ну и самолюбия, конечно — не без этого. Так потихоньку зародилась в ней искренняя убежденность в собственной незаменимости и появилось ощущение особой значительности своей миссии, да и вообще, места в жизни. Эдакая фанатичная вера!

Это, разумеется, не было проявлением низменного тщеславия, нет. И ни тени честолюбия — для этого она была от природы недалёка. Даже, между нами говоря, немного глуповата...

Её тугодумие порой раздражало начальство. Однако, вероятнее всего, благодаря именно этому своему качеству она вот уже почти тридцать лет бессменно руководила отделом делопроизводства. Ведь быть слишком сообразительной в этих делах и далеко совать любопытный носик в прокурорскую «кухню» очень опасно. К тому же, а может быть и по той же вышеозначенной причине, она была не особо болтлива, скромна, не склонна к масштабному интриганству, а главное — беззаветно преданна работе и начальству.

Единственная смелость, на которую она могла отважиться — это чисто по-бабьи, собрав в пучок очередную порцию пустячных сплетен, осторожно довести их до сведения начальника, то есть районного прокурора.

В коллективе к ней относились терпимо, в целом тактично, хотя и до обидного равнодушно. Не то, чтоб не проявляли приязни, а просто никак: ни хорошо, ни плохо. Как к предмету мебели: есть она, и есть; функционирует по назначению — и то ладно, а ежели сломается — можно выбросить на свалку и забыть.

Тому, что Инесса Витальевна — сплетница и доносица, никто не придавал ни малейшего значения. Её сплетни действительно были пустячными, безвредными, а с учётом специфики данной структуры, доносительство даже не рассматривалось в числе человеческих пороков.

Напарницы по канцелярии, то бишь её подчинённые: секретари-машинистки и младшие делопроизводители — долго на своих должностях не задерживались: менялись, как перчатки. За всю бытность Инессы Витальевны редко кому из них удавалось проработать с ней больше года. Она и не удерживала никого, в тайниках души опасаясь оказаться на вторых ролях.

В своё время самостоятельно, с грехом пополам освоила компьютер. Так что по мере возможности с оргтехникой худо-бедно, но справлялась сама.

Случалось, что по полгода она пребывала в канцелярии в единственном числе. И ничего — обходилась без помощниц.

Обычно к ней временно устраивались студентки-заочницы или практикантки юридических факультетов разных ВУЗов. Потом, соответственно, упархивали в поисках счастья, а их место на время занимали другие.

Инессу Витальевну это очень устраивало. Не надо было беспокоиться за свой стул (креслом она, увы, так и не обзавелась). Да и враждебные чувства к слишком усердной напарнице не успевали созреть. Это тоже было на руку: Инесса Витальевна не любила конфликтов, а когда приходилось на кого-то злиться, потом очень переживала.

Кроме того новые девчонки, временно делившие с ней кабинет, вносили в её серую жизнь хоть какое-то оживление. Чему она пусть сдержанно, но радовалась. Особенно теперь...

Да. Теперь, когда единственный, любимый до умопомрачения сын обзавёлся своей семьёй, приходилось делить его с невесткой и внуками. Но об этом чуть позже...

При всей своей косности Инесса Витальевна была женщиной сердобольной. Родственники и немногочисленные знакомые даже называли её слезомойкой. Выпученные из-за давних проблем с щитовидной железой глаза её увлажнялись по малейшему поводу, что могло показаться очень нетипичным для такого мужиковатого, широкого и скуластого лица, каким наградила её природа. Однако, малейшая неурядица, будь то замечание начальника, недостаточное, как ей казалось, внимание со стороны сына, или жалостливый рассказ любой из старушек-посетительниц — буквально всё мгновенно вызывало у неё слезоточивую реакцию!

Словом, ничто человеческое Инессе Витальевне было не чуждо: несмотря на внешнюю брутальность была она и обидчива, и жалостлива, и по-своему чутка к чужой беде, что называется — сочувственна. У неё была привычка мысленно ставить себя на место того самого чужого, попавшего в беду, расстроиться из-за этого и заплакать, жалея уже себя.

Иногда она даже дерзала представить на месте горемыки не себя, а... страшно сказать — собственного сына! Ну следом, конечно, горько раскаивалась за это, пролив, естественно, слёз в три ручья...

Сын Андрюша, а ныне — старший помощник междуреченского районного прокурора Андрей Витальевич Сытник, был для неё буквально всем: и единственной отрадой, и источником вдохновения, и смыслом жизни. Она и к работе-то этой была так привязана, в том числе, из-за него...

Что таить очевидное? В юности Инесса Витальевна была неказиста. С парнями отношения не то, чтобы не ладились — их попросту не было. Можно лишь догадываться, сколько горьких слёз она пролила по ночам в подушку...

И вот, полностью отчаявшись устроить своё семейное счастье, Инесса тем не менее не поникла, а целиком сосредоточилась на работе — нашла в ней отдушину.

Глядь, к тридцати годам она вдруг неожиданно для всех переменилась, как-то даже повеселела. А ровно в тридцать взяла, да удивила всех, родив крепкого, здоровенького малыша!

И назвала его Андрюшей. Правда, отчество ему дала за неимением супруга по имени своего отца — Андрюшиного дедушки.

И вот тут вся её нерастроченная любовь и накопившаяся годами нежная страсть обратились на сына. Он был как две капли воды похож на мать: такой же крепкий, костистый и скуластый. Только белобрысенький — не унаследовал инессины тёмные жиденькие кудряшки. Но оно, знаете, и к лучшему.

Тайна Андрюшиного зачатия так и осталась табу даже для её родных. Об этом в семье и разговора боялись заводить.

Хотя злые языки, было, шушукались, что после перевода в другой район одного из заместителей междуреченского прокурора, — тучного неуклюжего блондина лет сорока пяти, — Инесса Витальевна ходила хмурая — мрачнее тучи. Но это всё досужие сплетни и домыслы. Не мог же, в самом деле, заместитель районного прокурора, тем более женатый, завести интрижку с секретаршей в стенах прокуратуры! А тем более прижить ребёнка на стороне? Конечно же, не мог! И думать нечего — это, знаете ли, абсурд. Чушь какая-то...

Вот в этот самый кабинет, длинный и узкий, больше похожий на коридор со шкафами-стеллажами, забитыми пухлыми папками и сломанными пишущими машинками, Андрюша прибегал к маманьке на больших переменах и после школы. Она кормила его бутербродиками и разными вкусностями, поила чаем, фруктовыми соками и ряженкой: в закромах кабинета чего-чего, а съестного не переводилось — не все же просители были нищелюдами и приходили с пустыми руками. Да и зарплата позволяла. Плюс пособие матери-одиночки...

Шли годы. Рос Андрюша упитанным, здоровым и румяным, словно наливное яблочко. Домашний, послушный, по улицам он не шастал и дружбы с кем попало не водил. И учился неплохо, даже хорошо, то есть нормально, не хуже многих, но оценки приносил только хорошие — мамке на радость.

После школы отдала его в юридический. Пришлось, конечно, заранее заручиться поддержкой и прокурора, и старых знакомых из областного центра. Но это лишь для того, чтобы разные проныры не обошли по конкурсу умного домашнего ребёнка. Где надо, понятно, слезу пускала, не без того — одна же сына растила: и за мать, и за отца была.

Однако, и поступил, и учился, и всё складывалось благополучно. Как вдруг...

Такая беда свалилась на материнское сердце! Объявил — женюсь, мол. Она запаниковала: как? на ком? а учёба? Ничего, сказал, одно другому не мешает. На практике был, познакомился с секретаршей из мирового суда — тоже студенткой, только заочницей...

Разлучница, окрутившая Андрюшеньку, Инессе сразу не понравилась: грубая, мужиковатая, полная, с деревенским лицом. О манерах вообще лучше промолчать...

А тут новая напасть! Распределили Андрюшу после выпуска в другой район — захолустье, что хуже нет. Помощником местного прокурора. Два года Инесса Витальевна хлопотала о переводе его сюда, в междуреченскую прокуратуру. Сколько порогов оббила, скольким перекланялась — одному Богу известно. Глазоньки не просыхали. Добилась. На новое своё несчастье...

Переменился Андрей. Где бы матери внимание уделить, так нет. Всё со своей вошкается. Во всём её слушает. А та, не будь дура, своих родителей и брата быстренько в город перетасила...

Ох, тяжело матери делить единственного сына с другой, чужой семьёй... А куда деваться? У него у самого уже двое своих родились...

Внуки... Да разве они сына заменят?

Чуяла недоброе, словно в воду глядела. Да не доглядела...

Однажды помог Андрей шурина — младшему брату гадюки-снохи. Устроил его в службу судебных приставов. А тот вместо благодарности какими-то тёмными делишками начал промышлять. Да и попался! То ли на взятке, то ли ещё на чём. Андрюшенька, было, по доброте

вступился — хотел, как говорят, отмазать родственничка. Теперь у самого неприятности... Страсти такие, что сердце в пятки уходит — высокое областное начальство назначило проверку...

Врут ещё, что они напару там дела проворачивали, оговаривают доброго, честного Андрюшу.

Чем всё закончится? Что делать? Тут плачь — не плачь, а если до областной прокуратуры дошло, то могут и уволить. И даже... Нет! Не готово сердце матери к таким суровым испытаниям.

Который день Инесса Витальевна ног под собой не чуяла от переживаний. Сам районный прокурор Вячеслав Дмитриевич Губанько и то руками разводит: мол, перед областью бессилён, не обессудьте, Инесса Витальевна, как говорится, при всём уважении, у самого из-за этого проблемы.

Андрей на советы матери лишь мурзится. Понятно — нервничает. Но не до такой же степени! Говорит — пока не поздно, сам уволюсь, уеду куда-нибудь подальше, в адвокаты пойду. А может, оно всё и уляжется само собой? Как-нибудь...

Но не слушает советов мамкиных. Там теперь у него другая советчица. Та назовет, пожалуй. Не зря, ох, не зря с самого начала душа к ней не лежала! Материно сердце-то не обмануть...

Мало того, вчера женщина приходила и жалобу подала прокурору. Прочитала Инесса Витальевна и ахнула: заявление против Андрюши! Что же за чёрная полоса такая? Одно к одному, одно к одному...

У той, видите ли, сына посадили и якобы на первом же допросе побоями признаний добивались — заставляли чужую вину на себя взять. Тот всё и подписал. А потом жаловаться начал. Андрюшу направили разбираться. Он-то всех, как положено, опросил, кто там находился. Ну, то есть сотрудников уголовного розыска. Никто из них ничего противозаконного тогда не заметил и тем более сам не бил. Врач-эксперт в акте освидетельствования тоже написал, что никаких повреждений на теле нет. Вот Андрей в постановлении и указал, что доводы обвиняемого не подтвердились, а недозволенных методов к нему не применялось. А та теперь с жалобой!

Он-то, Андрюша, в чём виноват? Хотя она пишет, что не всех опросил... И что? Людей с улицы будут слушать? Тут офицеры полиции объяснения дали да врач заслуженный — сплошь уважаемые люди! Сказали, что не было ничего незаконного, и никто никого не избивал. А тех прощелыг где искать? По всему городу бегать? И кто они такие? Дружки поди, такое же жульё и шпана.

Жалобу-то эту, конечно, никто всерьёз не примет. Но всё равно — так некстати, не вовремя, когда и без того тучи над родимым дитём сгустились, вот-вот гром грянет...

Истрадалась за эти дни Инесса Витальевна, измучилась. В голове всё перемешалось. Руки дрожат. Даже плакать по старой привычке расхотелось: слёзы закончились. Выдержать бы, не свалиться на бюллетень. Ведь в такой ситуации надо быть здесь, на месте, неотлучно.

...Вскрывают непослушные пальцы Инессы Витальевны конверт за конвертом, нервно вырывают из них листки корреспонденции, регистрируют их в журнале: заносят исходящие данные, выставляют входящий номер и дату. Сортируют по стопкам: это прокурору, это заместителю прокурора Лядских, это заместителю прокурора Кузьменко, это ещё одному заместителю — Абубекерову, это старшему помощнику Яфарову, это... и так далее.

Безошибочно, руководствуясь шестым чувством, простой женской интуицией, все эти долгие годы распределяла она почту.

Удивительно. Будучи рядовой служащей, она фактически раздавала задания по работе с обращениями граждан всем работникам прокуратуры, чем значительно сэкономила время про-

курора и снимала с его плеч рутинную нагрузку по личному ознакомлению с бурным потоком жалоб, заявлений и прочей входящей почты.

Да, удивительно. При всей своей недалёкости она обладала какой-то дьявольской способностью точно угадывать оптимальные варианты и комбинации: кому из сотрудников какой входящий документ поручить. Просто безупречно это у неё получалось! За что, в том числе, и ценили её, Инессу Витальевну Сытник, ещё с советских времён.

А посетители!? Она ведь не только принимала у них бумаги на регистрацию, но и советовала, консультировала, подсказывала, как лучше написать, к кому сходить на приём. Стольким помогла... Не сосчитать! И на слово доброе, участливое не скупилась. Так за что ж ей всё это?!

Инесса Витальевна громко всхлипнула и вдруг осеклась, по-рачьи выкатив и без того выпуклые глаза: машинально взяв большой конверт из грубой бандерольной бумаги, она нащупала в нём подозрительное содержимое...

Глава 2. «Бомба! Динамит! Взрывчатка!»

— Ой... — только и смогла выговорить Инесса Витальевна, опустив дрожащие руки вместе с необычным и странным конвертом на свой рабочий стол.

Пальцы её потянулись по поверхности депеши и сквозь обёрточную бумагу нащупали контуры содержимого. Это были два предмета прямоугольной формы размером с мужскую ладонь. Она осторожно нажала на один из них. Предмет оказался не твёрдым, но и не мягким, не особо упругим, но и не сказать, чтоб эластичным.

«Бомба! Динамит! Взрывчатка!» — промелькнуло в крупной голове Инессы Витальевны, измученной нервными потрясениями последних дней.

Почти до смерти перепуганная, даже не прочитав надписей на конверте, ойкнув ещё раз, Инесса Витальевна, несмотря на своё тучное сложение, пулей вылетела из канцелярии в коридор.

Прерывисто и часто дыша, она не сразу заметила обращённый на нее удивлённый и насмешливый взгляд дежурного охранника с вахты — молодого бездельника, как мысленно называла их всех Инесса Витальевна. Но когда, наконец, встретила с ним глазами, то почувствовала себя неловко и даже глупо.

«И что тут такого? — мысленно рассудила делопроизводитель, оправдывая своё нелепо выглядывшее со стороны поведение. — В конце концов я действую в точности согласно инструкции».

Лихорадочно соображая, что же делать дальше, она напряжённо старалась восстановить в памяти пункты памятки «О действиях персонала в случае обнаружения подозрительных предметов и вещей», которую сама же когда-то печатала и знакомила всех членов коллектива под роспись.

Однако, несмотря на то, что ничего вспомнить ей не удалось, Инесса Витальевна неимоверным усилием всё-таки смогла напустить на лицо маску невозмутимости. Приосанившись, она важно проплыла мимо нахала-охранника по коридору первого этажа...

В здании районной прокуратуры — этого оплота законности и социальной справедливости было два этажа. Первый некогда занимали следователи следственного комитета при Прокуратуре. Теперь, после того, как лет пятнадцать назад его выделили в автономное ведомство, на этаже располагались кабинеты помощников районного прокурора из числа молодых, недавно зачисленных в штат. Здесь же был кабинетик Андрея Витальевича Сытника — Андрюшеньки. Сердце пожилой делопроизводительницы вновь болезненно заныло, когда она миновала кабинет сына.

Грузно и неуклюже поднявшись по старинной деревянной и потому скрипевшей лестнице на второй этаж, Инесса Витальевна, отдуваясь, остановилась в нерешительности.

Здесь, на втором этаже, располагались кабинеты самого районного прокурора и его заместителей, а также некоторых старших помощников из числа, как говорится, особо приближённых.

Инесса Витальевна ещё немного помялась, озираясь по стенам коридора, словно ища подсказки, что и кому доложить, с кем посоветоваться. И вообще, как сказать, чтобы не выглядеть при этом смешной и нелепой.

Она уж было собралась вернуться назад в канцелярию, но при одном только воспоминании о том подозрительном конверте и пережитом испуге холодок вновь пробежал по крепкой на вид спине Инессы Витальевны.

Опять очутиться один на один с этим ужасным свёртком было выше её мужественной натуры...

И тут взгляд женщины остановился на двери с табличкой «Заместитель районного прокурора, советник юстиции Лядских Юрий Николаевич».

Дверь была чуточку приоткрыта.

«Вот! Вот, к кому я зайду», — решила делопроизводительница, уверенно двинувшись к кабинету заместителя.

— Здравствуйте, Юрий Николаевич, — постучавшись в дверь и напустив на лицо мимику беззаботности и слащавости, проговорила она, одной ногой переступив через порог кабинета. — Разрешите?

— Здравствуйте, Инесса Витальевна, — не менее слащаво, и тоже натянув фальшивую улыбку, ответил Лядских. — Что-то вы рановато сегодня. Почту принесли?

А про себя подумал: «Ну и какого ты опять припёрлась чуть свет? За сынулю пробивать? А сынуле... Сынуле светит незнакомая звезда! О, Боже, если б Ты знал, как же мне надоела эта бабка!».

— Нет, Юрий Николаевич, я к вам пошептать. Просто не знаю, как поступить, — придав голосу побольше равнодушия и беззаботного тона, произнесла Инесса Витальевна.

— А в чём дело? — наигранно доброжелательно спросил заместитель, мысленно скривившись, как от ноющей зубной боли.

— Да пустяк в общем-то. Какое-то странное послание получила. Бандероль — не бандероль. Какие-то вещи в конверте. Вскрывать не стала. Мало ли. Дай-ка, думаю, сначала доложу вам, — не преминула подольстить опытная делопроизводительница с намёком, что, мол, не к кому-то другому, а именно «к Вам», как к самому значимому, умному и опытному.

Зампрокурора, безусловно, положительно оценил её довод:

— Хорошо, Инесса Витальевна. Вы правильно поступили, что пришли именно ко мне. А на чьё имя пакет? И кто отправитель?

Вот тут Инесса поняла, что оплошала.

Замаявшись, она смущённо пробормотала:

— Я, Юрий Николаевич, это... Что-то я это... Вы знаете, я даже не глянула..., — при этом похлопала своими тяжёлыми веками и совсем стушевалась.

Лядских умильно посмотрел на покрасневшую Инессу Витальевну и мысленно про себя заключил: «Мда, старая дура. Однако за последнее время ты заметно поглупела. Сынок со своим шурином хорошо начудили — уголовным делом пахивает. Лучше б ты его в своё время в военное училище отдала. Он же весь в тебя — такой же тупой. А теперь у самой крыша едет. И других с ума свести хочет».

— Теряете былую хватку, Инесса?

И, выдержав секундную паузу, он добавил:

— ...Витальна.

Однако, заметив, что её глаза-иллюминаторы мгновенно покраснели, наполняясь влагой, Лядских быстро ретировался (только слёз ему ещё тут не хватало!):

— Шучу! Несите сюда этот свой пакет... Впрочем, пойдёте к вам в канцелярию. Там и посмотрим ваше чудо-послание.

Глава 3. Терпенье, Юра...

Юрий Николаевич Лядских был карьеристом. В хорошем смысле. А что? Исправный работник с безупречной репутацией. Опять же — острый ум, профессиональная хватка, замечательный послужной список.

И вообще, с каких пор здоровое тщеславие стало считаться пороком?

Тесно. Очень тесно ему стало с недавних пор в шкуре заместителя районного прокурора.

Он ни на йоту не сомневался в скором своём возвышении до должности прокурора какого-нибудь района области. Но это мало тешило его честолюбивые помыслы. Прозябать минимум пять лет в глуши не очень-то хотелось, даже на главной роли.

Вот если б возглавить какой-нибудь отдел в областной прокуратуре или надзорную «веточку» от этого мощного «древа» с пышной кроной...

Сам по себе он был человеком очень серьёзным: трезво и здраво относился ко всему происходившему. До поры, до времени решил избегать коррупционных грехов и никогда не брал взятку. Ему для карьерного роста нужна была кристально чистая репутация — реноме бескомпромиссного, честного и неподкупного борца с беззаконием.

Эта безупречность делала его неуязвимым для коллег-завистников, придавала уверенности в себе. А других, у кого рыльце в пушку, наоборот, заставляла пасовать перед ним. Даже прокурор Губанько был всегда настороже в отношении своего зама.

Лядских умел ждать и жертвовать всем ради достижения максимально возможной для него вершины власти и могущества.

«Терпение, Юра», — мысленно подбадривал он сам себя.

Вот таким он в своё время и предстал перед всеми: холодный и трезвый прагматик, оптимист и циник в душе, однако, не сказать, чтоб злой. Хотя поводов обижаться на людей у него с детства было более, чем достаточно.

Ещё в начальной школе он стал изгоем в кругу одноклассников и сверстников. Умненький, серьёзный, необщительный ребёнок, дисциплинированный ученик и отличник, он стал бельмом на глазу у класса, главной мишенью для проказ малолетний шпаны.

Да ещё эта фамилия, чёрт бы её побрал! Не стесняясь даже учителей, его дразнили: «Эй, Блядских, иди сюда!» — и так далее, в том же русле.

Все школьные, а потом и студенческие годы, так его и звали: «Блядских», «Блядский». А то и просто — «Блядь», иногда, правда, заменяя на «Лядь», что звучало не менее оскорбительно.

В средних классах, не смирившись со званием ботаника, Юра Лядских начал усердно посещать спортивные секции бокса и рукопашного боя. Преследования и обзывательства от сверстников послужили благоприятным стимулом для спортивных успехов, и при случае он уже мог дать достойный отпор противнику. Даже двоим.

Враждебная среда, пытавшаяся отравить детство и юность Юрия Николаевича, не только не сломила его, а, напротив, закалила и морально, и физически. Армия обидчиков была в итоге побеждена, отступила, ретировалась и рассеялась. А прокуратура получила образцового, примерного и радивого работника.

И вот этот самый работник, сопровождаемый делопроизводителем Инессой Витальевной, вошёл в её владения, то бишь канцелярию.

Он сразу направился к столу, увидев на нём злополучный конверт, так напугавший пожилую матрону.

Взяв его и смело повертев в руках, он выразительно прочитал:

— Так. Междуреченскому районному прокурору, старшему советнику юстиции В. Д. Губанько. Обратный адрес указан: город Междуреченск, улица Валентины Терешковой, дом десять, квартира семь. Белогуров Г. В.. Интересно...

Пощупал содержимое. И задумался.

— Юрий Николаевич, может, всё-таки МЧС вызвать? Пусть сапёра пришлют..., — прошептала хозяйка кабинета.

В ответ тот наградил её тяжёлым взглядом и молвил:

— Не надо...

А мысленно добавил: «Совсем уже...».

Затем без помощи ножниц и канцелярского ножа, ловко, одним указательным пальцем он вспорол конверт на боковом сгибе.

Оттуда тотчас выпали куски почерствевшего, но не засохшего хлеба и, словно живые, поскакали по поверхности стола.

Их было два: белый и чёрный, граммов по двести каждый, ровно вырезанные из середины стандартных прямоугольных буханок.

— Та-а-ак, — протянул зампрокурора и вновь про себя подумал: «Так-так-так...».

Если вы заметили, у него была неизменная привычка: сказав что-то вслух, Лядских обязательно дублировал это и про себя, как-бы оценивая и переоценивая сказанное, комментируя и советуясь с помощью внутреннего диалога.

Инесса Витальевна, широко распахнув глаза, смотрела попеременно то на свой стол, то на Юрия Николаевича. Она, если можно так выразиться, окончательно обалдела от неожиданности. Поэтому молчала и только хлопала ресницами, напоминая при этом то ли сову, то ли какого-то ночного тропического примата.

Лядских ещё раз потребушил конверт, чтобы проверить, нет ли там какой-либо сопроводительной бумаги.

Убедившись, что он пуст, сложил в него обратно хлеб и повернулся к Инессе Витальевне:

— Наверное, это своеобразная наглядная жалоба на качество продукции местного хлебозавода. Разберёмся! — сообщил бодрым, успокаивающим тоном.

Его слова подействовали на делопроизводительницу, как живительный бальзам. Она даже изобразила уголками рта нечто, похожее на жалкую улыбку.

Однако недоумение засела в ней так прочно, что она только вяло, беззвучно пошевелила губами, как бы спрашивая: «А что дальше-то с этим делать?».

Юрий Николаевич её понял без слов, поэтому сделал рукой жест ладонью вперёд — мол, спокойно, сам обо всём позабочусь. И направился к выходу с загадочным конвертом под мышкой.

Перед дверями он резко остановился, повернулся кругом, протяжно, почти нараспев, изрёк:

— Инес-са-а Ви-таль-на-а-а!

Следом поднёс указательный палец к губам и добавил:

— Только — тс-с-с...

Делопроизводительница продолжала глупо мигать, но тем не менее с понимающим видом закивала.

Лядских так же театрально повернулся к дверям и вышел из канцелярии.

Инесса Витальевна осталась одна. Первая мысль, посетившая её бедовую голову, была о том, что она забыла зарегистрировать эту ужасную депешу и не поинтересовалась, следовало ли это сделать.

Потом спохватилась, что в суматохе своих переживаний даже не запомнила, кто доставил это «письмо с сюрпризом». И в конце растерялась оттого, что, привыкнув скрупулёзно исполнять свои обязанности, она не может взять в толк, что именно в таком случае следовало бы

занести в журнал входящей корреспонденции. Так и записать: «два куска хлеба»? Чертовщина какая-то, бред!

А заместитель прокурора Юрий Николаевич Лядских пружинящим шагом резво шёл в направлении кабинета районного прокурора Губанько, бережно держа под мышкой конверт с хлебными пайками.

Да-да! Уж он-то ни капли не сомневался, что это именно тюремная пайка, точнее, её имитация, чей-то недвусмысленный, но тонкий намёк на какие-то толстые обстоятельства.

«Мда, господин прокурор, кому же вы так насолили? Очень интересно знать. И не бесполезно. Похоже, Юра, это знак. Судьба даёт тебе шанс. Не упusti его! Терпенье, Юра...» — рассуждал Лядских по своему обыкновению сам с собой, решительно сжав ручку двери перед кабинетом своего руководителя...

Глава 4. Чертовщина да и только!

Междуреченский районный прокурор, старший советник юстиции Вячеслав Дмитриевич Губанько — мужчина крепкого атлетического сложения сорока пяти лет от роду сидел за массивным столом в своём кабинете.

Он склонился над какими-то документами и досадливо бормотал вслух:

— Вот, чёрт... Ну и ну. Они что, издеваются? Хоть бы фамилии посмотрели...

Лицо прокурора обычно было суровым и даже грозным, будто высеченным из камня. Но, словно в насмешку, природа наградила Губанько несколько необычной особенностью: на фоне общей суровости (и ей же в контраст) его глаза и морщинки вокруг них придавали верхней части лица какой-то ироничный, насмешливый оттенок.

Как он ни старался, как ни работал над мимикой, все усилия шли прахом. Взгляд так и оставался смешливым. По ситуации проявлялись, конечно, и некоторые нюансы в спектре от беззаботно-весёлого с хитринкой до глумливо-злорадного. Но, повторяю, это было всего лишь особенностью его анатомии и никак не выражало действительных эмоций и состояния души. Словом, вообще ничего не значило.

Вот и сейчас. Возмущённо чертыхаясь, прокурор изучал своими на этот раз удивлённо-лучистыми глазами уведомление о направлении под его начало на стажировку с последующим трудоустройством двух выпускников правовой академии.

Недовольство прокурора было вызвано фамилиями направляемых к нему стажёров. Один из них был Евдоксопуло, а второй, вернее вторая (это была девушка или молодая женщина) — Моравец.

Дело-то, собственно, не конкретно в этой паре будущих прокуроров и не в их фамилиях. Пикантность ситуации, а в будущем она могла перерасти и в проблему, заключалась в следующем.

Сейчас вам всё прояснит сам прокурор.

Взяв списочный состав — штатное расписание районной прокуратуры, он принялся зачитывать фамилии работников, начиная с себя:

— Губанько. Так... Кузьменко, Лядских, Абубекеров, Каневец. Эхе-хе... Акчурин, Яфаров, Шевелько, Рахматуллин, Сытник, Кириленко... Вот, чёрт! Ни одной, чтоб чисто русской фамилии! Теперь ещё Моравец и Евдоксопуло! Весь основной состав — какой-то татарско-малороссийский анклав! Хоть бы какого-нибудь задрипанного Иванова или Петрова прислали, а то — Евдоксопуло... Это кто ещё такой? Грек, что ли?

Прокурор озадачился этой темой неспроста: волна призывов к единству и межнациональной толерантности давно уже схлынула на нет. Говорят, грядёт новая волна, ни много, ни мало, о борьбе с русофобией! И решения ожидаются на законодательном уровне. А тут...

— Так. Вспомогательный состав: Сытник... Тьфу, бя! — Губанько нервно плюнул и выругался; он не чурался крепких выражений, не удержался и здесь, второй раз наткнувшись на опостылевшую за последние дни фамилию. — Ну, эта старая жаба пусть пока сидит, а вот сынулю придётся уволить к ебене фене. От греха подальше. Как обычно — пригреешь по благу, а они, смотри-ка, в себя верить начинают. Молодые, да ранние... Хотя, по-честному, здесь и так все по благу. Даже уборщица. О! Кстати...

Пробежав глазами короткий список технического персонала, он удовлетворенно кивнул только дважды, зачитав фамилии рабочего по обслуживанию здания, — он же слесарь-сантехник, — и уборщицы: Чернышов и Дунюшина.

— Да-а-а, — протянул Вячеслав Дмитриевич, — хорошие дела! Ничего не скажешь...

Формально никакого повода для беспокойства не было: родственников в ближнем, а тем более дальнем зарубежье у сотрудников нет, украинские фамилии достались им от пращуров в десятом поколении. Да и татарские, в общем-то, тоже.

Но времена очень непростые наступили, тревожные. А ну, как завтра подтянут за цугундер: ты что, мол, там за пятую колонну развёл? И объясняй потом, что не хохол. А тут ещё всякие дрищи гадят, типа Сытника этого...

Взгрустнулось что-то Вячеславу Дмитриевичу Губанько, районному прокурору: дел выше крыши, в пору ночевать на работе, нервы ни к чёрту. А тут ещё дерьмо всякое в голову лезет...

Семью совсем запустил. Дома — одно расстройство. Жена просто свихнулась: всё ей не так, всё не эдак, всё мало. Избаловал, всю жизнь дома просидела, ни в чём отказа не было, никакой нужды не знала. Приедешь домой еле живой от усталости, а она пилит и пилит упрёками, хоть беги. Дома, говорит, не бываешь, на детей забил. Все прокуроры как прокуроры — видные, солидные. Жёны их не нарадуются: дом — полная чаша, в деньгах купаются, все курорты объездили. А ты, мол, ничего не можешь. Родителям своим жалуется. Тесть-генерал на днях звонил — ехидничал. И не ответишь ему тем же. А так послать охота, аж зубы ломит..!

Она и раньше ревностью изводила, всё помаду на одежде выискивала, а сейчас просто сдурела — житья не даёт. Так бы и вмазал порой! Да нельзя — нажалуется батюшке-генералу и пипец! Прощай и кресло, и кабинет, и карьера, и спокойная жизнь на пенсии! Так и грозитя уехать в Москву, к папочке. Оскорбляет ещё: ты, говорит, не районный прокурор, а тряпка — никто в этом Мухосранске тебя не боится и не слушается. Что с ней поделать? Ума не приложишь...

А сын? Младший. Четырнадцать лет! Да он, Слава Губанько, в его-то годы в школьном ансамбле на гитаре играл, на полуакустической: и ритм, и соло. На дзюдо ходил. Летом в пионерлагере уже девчонок всюду щупал. На мопеде гонял от гаишников. Да что там! Грехи молодости: ту самую электрогитару перед выпуском спёр из школы! Да-да. Стекло выставил и спёр! Смелый был, решительный...

А этот? С утра до ночи то в компьютер, то в ноутбук, то в смартфон уткнётся, и хер бы знает, чем там занимается. Никаких интересов! В школе оценки ставят, потому что папу-прокурора боятся. Неуч полный растёт, дуб дубом. На улицу гулять не ходит. Скутер купили — пылится в гараже. Что ни скажи — огрызается или в слёзы. Чуть что — к мамке бежит ябедничать. Что из него получится? И это его кровь? Плоть от плоти? Эхе-хе... Её воспитание, материно...

Дочь. Старшая. Студентка правовой академии, четвёртый курс...

При воспоминании о дочери сердце Губанько больно сжалось. Это была его ахиллесова пята — самое слабое место, со временем превратившееся в занозу души. И её не выдернуть, и даже не тронуть — так болит! Так мучительно болит, что словами не передать...

Студентка... Кабы не папины связи — давно выперли бы из академии. Не только лекции прогуливает, но и на экзамены не является. Ответ один: хотела поступить в Институт шоу-бизнеса — не позволил. Сказал, что его дочь должна быть не клоуном, а судьёй либо как он — прокурором? Вот, мол, давай теперь сам и суетись! А ей, говорит, диплом юриста не нужен...

Ничего для неё не жалел. Квартиру купил, когда ещё на первом курсе училась. Из Междуреченска в областную прокуратуру и в дело, и не в дело мотался, чтобы её лишний раз навесить...

Ведь она была раньше совсем другой! В отличие от мягкотелого сына. Самостоятельной была, с характером, но близкая, родная, своя...

А теперь, как ни приедет — будто подменили её: чужая какая-то, странная. То весёлая, дурашливая, то мрачная, раздражённая — слова не скажи...

«Достал ты уже, — говорит, — не беси лучше!».

Хамит на каждом слове. И скрытная стала...

Он-то, конечно, давно догадался, в чём дело. Отца-прокурора не обманешь... Но отказывался верить, перекрыл в сознании проблему, обманывал сам себя: нет, она не наркоманка, я ошибаюсь, это просто возраст такой. Пройдёт...

Самоуверчение на время успокаивало, но та душевная заноза всё чаще давала о себе знать — свербила, мучила, изводила.

И он, прокурор целого района, был бессилён в этой ситуации. Не знал, как спасти собственного ребёнка...

Но главной бедой, самым болезненным для него в этот период было осознание одиночества. Ни друзей, ни нормальных родственников, никого, с кем можно было поделиться, посоветоваться, излить душу, или хотя бы рассказать, каких невероятных, титанических усилий стоит ему не только нести по жизни свой крест, но и просто сохранять внешнее самообладание. Совсем один. Один-одинёшенек!

Пригорюнился прокурор. Поглотили его невесёлые раздумья. Даже обычный игривый огонёк смешливых блестящих глаз куда-то улетучился...

Крепко задумался Вячеслав Дмитриевич. Ушёл в себя. Да так, что самый обыкновенный стук в дверь кабинета заставил его вздрогнуть от неожиданности.

Однако, он тотчас же привёл себя в надлежащее состояние, как ни в чём не бывало. И в глазах загорелся прежний огонёк, только с каким-то дьявольским, зловещим оттенком. Будто перед схваткой со смертельным врагом, что собственно было недалеко от истины.

Губанько знал, кто сейчас стоит за дверью. Знал наверняка. Он хорошо изучил этот стук. И вообще, безошибочно мог определить по характеру и манере постучаться в дверь любого из своих подчинённых.

— Входи, Юрий Николаич, — пригласил прокурор своего второго зама.

Первым заместителем был Кузьменко — не семи пядей во лбу, но более или менее преданный. А этот жучок, — Лядских, — был опасен для своего шефа. И Губанько хорошо это знал и понимал. Незримое, скрытое от всех противостояние началось ещё два года назад, с первых дней назначения Лядских в Междуреченскую прокуратуру.

Знал прокурор и то, что «сливает» его второй зам в областную прокуратуру по любому поводу.

Поставлен, а выходит, что приставлен был к нему Лядских вопреки его желанию по приказу свыше.

Не рад. Ох, как не рад был прокурор этому визитёру. Тем более в такую минуту...

Но увы, ничего не поделаешь — пришлось изобразить доброжелательное радушие:

— Проходи, Юра, присаживайся. С чем пожаловал? — заметил, что зам явился не с пустыми руками.

Вошедший в кабинет Лядских задержался на мгновение при входе в кабинет, следуя негласному этикету «штабной культуры», после чего проследовал к столу шефа и присел на стул.

— Да тут такое дело, Вячеслав Дмитрич, — начал свою игру Лядских. — В общем-то ерунда, какое-то недоразумение...

Губанько удивлённо поднял брови, что выглядело вполне натурально. На деле же, поскольку прокурора уже почти ничем невозможно было удивить, этот трюк с бровями он проделал, как всегда, по-актёрски.

Театральности им обоим было не занимать. Оба чуть заметно, но любезно улыбались и глядели открыто друг на друга, наигранно простодушно хлопая ресницами.

— Недоразумение? — переспросил Губанько, в первые же секунды почуяв какой-то подвох — слишком уж победоносно выглядел его зам, как ни пытался это скрыть.

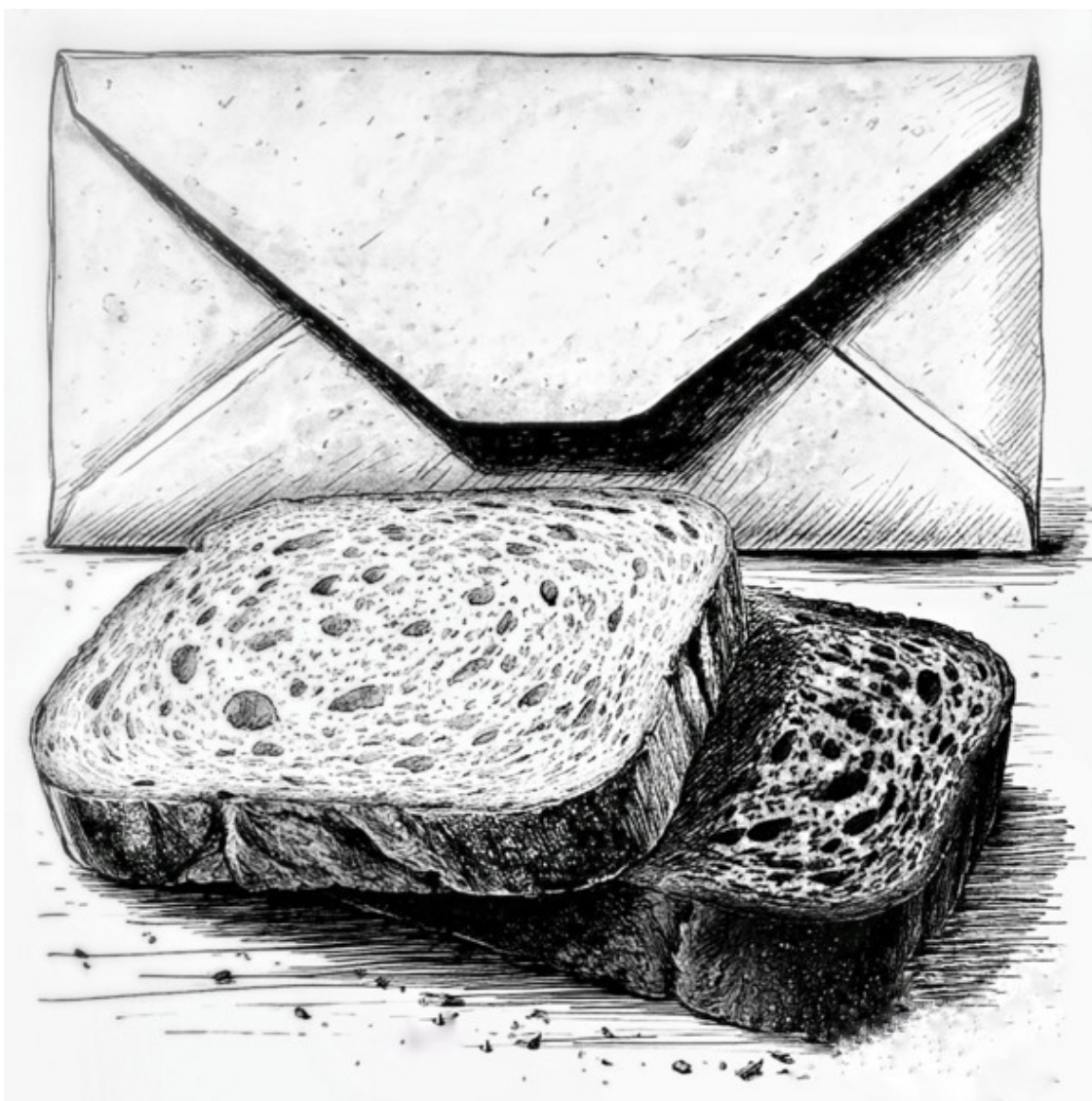
— Сытник приняла сегодня почту. А среди прочего — конверт. Вот этот, — продемонстрировал принесённое. — В нём ни писем, ни записок. Только вот что, — вытащил из конверта те самые две пайки хлеба и показал шефу, как это обычно делают следователи, когда предъявляют упёртому обвиняемому неопровержимые улики.

Брови прокурора опять поползли вверх, но уже не театрально, а вполне естественно.

Он еле заметно побледнел, но, совладав с эмоциями, спросил твёрдым голосом, даже как бы равнодушно:

— Ну и что?

Лядских, чтобы не переиграть, не выказать своего злонамеренного интереса, скрючил губы, словно говоря: «Да кто его знает, что? Сам ничего не понимаю».

И вставил как бы между прочим:

— Наверное, чья-то идиотская выходка. Конверт на ваше имя.

Губанько на это не отреагировал никак — цепкий взгляд его уже успел царапнуть по депеше за несколько мгновений до реплики Лядских, и он уже знал, на чьё оно имя.

— Мало ли идиотов на свете. Может, стоит, Вячеслав Дмитрич, установить личность отправителя? — Лядских посмотрел на прокурора изучающе, но выказывая готовность незамедлительно исполнить его указания.

— Не стоит, Юрий Николаич. Чепуха какая-то. Выброси это нах... Или, — ловко принял, а по сути выхватил из рук зама конверт, скомкал его и швырнул в урну, — дай я сам выброшу. А это, — указал на хлеб, — кинь за окно во двор. Там голуби склюют. У тебя ко мне какое-то дело?

Лядских замялся. Он понял, что эта баталия им проиграна. Надо было взять с собой хоть какие-нибудь бумажки на подпись. Для отвода глаз, А так, правда, ерунда получилась И в голову, как назло, ничего дельного не приходило.

Наконец, он вяло и с запинками промямлил:

— Д-да. Обвинительное заключение по тому делу... я вам рассказывал... Придётся вернуть в следственный... Там... в общем, доработать кое-что надо... Но я ещё раз изучу...

Не очень убедительно у него вышло. Да ещё смутил озорной блеск глаз Губанько. И, наконец, тон прокурора, по-отечески фамильярно выпроваживающего зама из кабинета словами:

— Это правильно, Юра. Ещё раз хорошенько изучи. Ступай, работай.

Лядских ничего другого не оставалось, как покинуть кабинет руководителя, не прояснив для себя ни малейшей сути по поводу загадочной посылки, как говорится, не солоно хлебавши...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.